

Читайте романы мастеров закрученного сюжета

Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Булинг–79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Исповедь черного человека
Семейное проклятие
Сердце Бога

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет возжеления №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Перфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прег-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smertj
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АВАТАР СУДЬБЫ

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } **АННА И СЕРГЕЙ**

ЛИТВИНОВЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64 Аватар судьбы : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Знаменитый тандем российского детектива).

ISBN 978-5-699-90008-4

Когда Варя Кононова предложила своему возлюбленному, Алексею Данилову, провести отпуск на заброшенной черноморской турбазе в компании новых друзей, он сразу понял: это нужно ей в интересах работы. Ведь недаром Данилов — мощный экстрасенс, а Кононова — сотрудница засекреченной спецслужбы, изучающей все странное и непознанное. Отдых проходил прекрасно, непонятно только, зачем руководителю этой группы, полковнику в отставке Зубцову, понадобились уникальные способности Алексея. Варя даже не успела доложить о происходящем своему начальнику Петренко, как на мирных отдыхающих обрушился спецназ. К счастью, троице — Данилову, Варе и Зубцову — удалось ускользнуть. И бархатное ничегонеделанье неожиданно обращается для них в погоню за разгадкой самых жгучих тайн недавнего прошлого...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90008-4 © Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Роман, равно как все его части, является плодом вымысла авторов. Любое сходство характеров/ситуаций/обстоятельств, а также имен героев и географических названий с реальностью является исключительно случайным и лежит целиком и полностью на совести читателя.

Всякое упоминание реально существующего или существовавшего лица объясняется лишь художественными задачами — оно является в конечном счете продуктом авторского воображения и ни в коем случае не должно быть расценено как попытка принизить его (лица) заслуги и достижения.

Наши дни.

Полковник Петренко

На длинные июньские выходные полковник Петренко решил отправиться в Питер. Вместе с любимыми девочками — женой Олечкой и дочкой Юлечкой. Вроде ситуация в стране и мире была хоть и непростой, однако не предвещала ничего, что требовало его непременно присутствия в столице. А в городе на Неве, откуда он и его барышни были родом, они, все вместе, не бывали, почитай, лет десять. Полковник сам в командировки туда мотался — неоднократно. Олечка бывала еще чаще — навещала тещеньку, подружек, улаживала проблемы с квартирой. Даже Юльку они отпускали с друзьями — напиться благородной северной культурой и порезвиться. А вот втроем — он даже запомнил, когда ездили. Да и вообще, вместе не отдыхали, можно сказать, целую вечность: все служба его непростая виновата, то спецоперация, то усиление, то доклад *первому лицу*.

Хотя все условия для пребывания в Питере у них имелись. За семьей числилась целая четырехкомнатная квартира в старом фонде, на Лиговке, бывшая коммуналка. Правда, запущенная. Без ремонта обходившаяся чуть не с тридцатых годов. Меж ним и Олей было уговорено: когда полковник уйдет в отставку, они вернутся на родину, в Северную Пальмиру. Деньжат поднакопив, приведут жилище в порядок. Купят хороший паркет, сантехнику и обои. Наймут мастеров.

Да они и сами белоручками не были. Оля могла обои наклеить, плитку уложить. А Петренко с сантехникой и электрикой прекрасно управлялся.

Можно было, конечно, в фатеру жильцов пустить, получать неплохой профит — вдобавок к невеликому полковничьему денежному довольствию и Олечкиному библиотечарскому жалованью. Однако они совсем не крохоборы были, скорее бессребреники. К тому же противно: кто-то совершенно посторонний будет в их жилище ютиться, на диванах спать, в ванной намываться. И недостойно (Петренко считал) для русского офицера, начальника сверхсекретной *комиссии*, сдавать собственное жилье внаем, словно он барыга какой-нибудь. Вот и пустовало жилище близ Московского вокзала — их нечастых визитов дожидалось.

К нынешней поездке Олечка прекрасно подготовилась: заказала билеты в театр Додина и «Мариинку», разузнала, какие выставки будут в Русском музее и Эрмитаже, навела через подружек справки, в каких кафе можно столоваться вкусно и недорого.

Поэтому прожили три дня в родном городе, словно туристы. Даже специально друзьям-однокашникам не сообщали, что приезжают. Кроме обязательной музейно-театральной программы, много гуляли. Июньский Питер и белые ночи прямо-таки зазывали на проспекты, в сады и парки. Летний сад, правда, в обновленном виде совершенно им не понравился, облупившись. Зато Таврический и возрожденная Новая Голландия оказались выше всяких похвал. Вдобавок на катерке по Мойке-Фонтанке и каналам катались, на «Ракете» в Петродворец выезжали. Погода царила роскошная: солнце долго не скрывалось за горизонтом, влажный ветер с Балтики вымывал с прямых проспектов все автомобильные миазмы, и долгими, теплыми, светлыми вечерами радостные многоязыкие толпы сидели на Невском за столиками, как на каком-нибудь Монмартре.

Всем поездка выдалась удачной, единственное — дочь, первокурсница Юлия, временами (по выражению Олечки) их обоих *выбешивала*. Петренко сам старался не обращать внимания, не раздражаться — но не получалось, и он, чтобы не вносить раздор в семью, возбуждался, но не возмущался, а только зубами порой скрипел. И все потому, что создавалось впечатление: отроковица вроде бы с ними, в семье находится, наслаждается, как они, красотами и культурным богатством Питера — а на деле пребывает где-то далеко-далеко. Ни на долю секунды, казалось, Юлечка не отрывалась от своего смартфона. Стоит присесть на минутку — в кафе, на лавочку в Петродворце, на скамейку катера, везущего по Мойке-Фонтанке, — телефон тут как тут. Юлечка ныряет в Сеть, включает службу быстрых сообщений — и только «месседжи» блямакают, и пальцы по виртуальной клавиатуре порхают. Непрерывное идет общение с посторонними гражданами и гражданками. Как будто они не втроем, своей маленькой дружной семейкой отдыхают — а с ними таскается огромный хвост разнообразнейших Юлькиных друзей! Честно говоря, полковника только мудрая супруга и удерживала от того, чтобы не взорваться, не наорать на дочь, не вырвать телефон и не зашвырнуть его в канал. «Терпи, — исподволь уговаривала она мужа, пока юница не видит, и по плечу поглаживала, — время сейчас такое, она молодая, все они нынче в своих фейсбуках-инстаграммах сидят, лайки собирают!» Приходилось полковнику терпеть, стараться абстрагироваться.

В предпоследний день отправились на новую сцену «Мариинки» — девочкам, в особенности Оле, надо ведь было составить впечатление о недавно открытом сооружении. В итоге самому Петренко понравилось: чистенько, светло, эскалаторы. Отделка на Янтарную комнату намекает, питерскую красу. Однако рафинированная Олечка оказалась полна скептицизма: вокзал вокзалом! Дочка тоже, мамаше подражая, десяток не-

лицеприятных фоток интерьера и экстерьера сделала и, с соответствующими комментариями, в Сети разместила. На балете полковник благополучно вздремнул — имелась у него способность спать сидя, чуть не с открытыми глазами, не выдавая себя ни всхрапыванием, ни заваливаниями.

А вышли после спектакля на берег Крюкова канала — красота, еще светло, хоть время к одиннадцати, погодка теплая, радостная толпа вокруг — поэтому решили прогуляться пешком до Лиговки. Путь не близкий, да когда еще выдастся по летнему Питеру пройтись — ведь завтра вечером домой, в Первопрестольную, отправляться. Но не успели даже до Садовой пройти — вдруг звонок: подал голос личный петренковский служебный телефон, с которым никогда не полагалось расставаться (а полковник, в полную противоположность дочери, рад был куда-нибудь сотовые забросить и хотя бы в праздники о них не вспоминать!).

Звонил секретарь *куратора* — а это означало, что звонок суперсерьезный. Когда Петренко год назад назначили начальником сверхсекретной *комиссии*, он все гадал: кто станет теперь его непосредственным руководителем? Как будут строиться связи и отношения с начальством? Он издавна знал, что *комиссия* подчинена непосредственно *первому лицу*, больше того, даже о ее существовании ведал только самый ограниченный круг лиц: президент, министр обороны, начальник Генерального штаба... Однако кто ей непосредственно управлял? Ведь не может быть, чтобы его, как начальника *комиссии*, каждый раз на доклад вызывало непосредственно *первое лицо*, не правда ли?

Так и случилось: президент делегировал свои полномочия в части руководства *комиссией куратору* — абсолютно надежному человеку из своего близкого окружения, довольно известному для того, чтобы его знали и боялись все служивые и чиновники, но не достаточно мелькавшему на телеэкранах, чтоб его нена-

видела оппозиция или народ. На взгляд полковника, *куратор* — по имени Павел Андреевич Сухотин, а по должности заместитель главкома Совета национальной обороны — занимал четвертое-пятое место в окружении президента и имел к нему постоянный доступ. А это давало полную гарантию, что вопросы *комиссии* будут решаться на самом верху.

При первой же встрече *куратор*, умный, спокойный и дельный, полковнику Петренко понравился. С ним можно было работать. Единственная проблема — со временем у нового непосредственного начальника обстояло туго. Понадобится полковнику с ним встретиться — следует высказать свое пожелание секретарю и порой неделями ждать. А сам *куратор*, если ему нужно, вызывает на прием, как нарочно, в наиболее неудобное время. Например, как сейчас — в ночь на последний из длинных июньских выходных.

— Павел Андреевич ждет вас завтра у себя, на объекте два, в час дня, — молвил секретарь («объектом два» звалась в чиновничьем обиходе госдача *куратора*). — Доклада от вас не требуется, время беседы — пятнадцать минут. Куда за вами подать машину? — Так было меж ними принято: за Петренко заезжал один из автомобилей Сухотина, чтобы не морочиться с пропуском в особо охраняемую зону.

— Вы знаете, я сейчас в Петербурге нахожусь... — начал Петренко.

— Сейчас решим этот вопрос, — перебил его секретарь, — оставайтесь на линии.

В трубке заиграла музичка, как в каком-нибудь средней руки автосалоне. Через минуту секретарь снова подключился:

— Ваш поезд завтра. «Сапсан», в шесть сорок пять утра, билет будет в кассе номер тридцать восемь. Поезд прибывает на Ленинградский вокзал в десять тридцать. Я распоряжусь подать за вами машину в двенадцать — домой или в офис?

— Лучше на работу, — молвил Петренко, вовремя сообразив, что перед встречей с *куратором* надо по своей линии со свежими совсекретными сводками ознакомиться — мало ли что случилось, вдруг Павел Андреич спросит, а он и не знает.

Секретарь отключился, а полковник принялся звонить дежурному по *комиссии* — распорядиться, чтобы за ним прислали завтра разъездное авто на Ленинградский вокзал.

От своих он отстал шагов на десять, а когда нагнал, Олечка повернула к нему сочувственное лицо:

— Что, вызывают? — супруга у него всегда с пониманием относилась к службе, никогда не возмущалась тем, что его часто не бывает с семьей в праздники и выходные; и любой отпуск, как сейчас, могут испортить. Хорошо хоть, всего один день у него отобрали, а целых три они вместе, втроем, на родине провели.

* * *

Куратор, что характерно, пригласил Петренко пройтись. Встретил у входа в дом, коротко пожал руку, указал на вымощенную плиткой дорожку меж сосен. Скорей всего, желание провести разговор на воздухе означало, что беседа будет особо конфиденциальной. В доме Павла Андреича наверняка профилактически слушают — и служба охраны, наверное, и тайная полиция. А вот на открытом воздухе организовывать прослушку до сих пор технически сложно, поэтому тут писать Сухотина вряд ли будут без особых на то оснований. Тем страннее и мельче показался полковнику, по сравнению с этим соображением, завязавшийся разговор.

— Знаете ли вы, полковник, — начал куратор, — организацию, что именует себя «древлянами»? Что-то вроде секты или подпольной группы?

Петренко порылся в памяти, но ровным счетом ничего не вспомнил и честно сказал:

— Никак нет, не знаю. А должен?

— Думаю, должны.

— Виноват, исправлюсь.

Куратор поморщился.

— Только не надо обещать мне к завтраму подготовить доклад. У меня и у президента по линии других спецслужб информация об этих чудиках имеется. У меня к вам другое поручение. Вам, полковник, следует получить о древлянах информацию из самых первых рук. Кто такие, сколько их, декларируемые и действительные цели, кто за ними стоит. Замечу, что о себе секта предпочитает не распространяться. По-хорошему, вам, полковник, следует внедрить в эту организацию своего человека, по возможности, как можно ближе к лидеру. Справитесь?

— Я уверен, что справимся, Павел Андреевич, только один вопрос: почему вдруг мы? Вроде не *комиссии* это задача — религиозными или псевдорелигиозными сектами заниматься. Наше дело — все загадочное, таинственное, необычное...

— Охотно отвечу, почему вдруг вы. Дело в том, что руководителем секты является некто Зубцов. Знаете такого?

— Полковник Зубцов? — вытарашился Петренко. — Он раньше служил у нас, в *комиссии*?

— Вот именно, — кивнул куратор.

— Был начальником научно-исследовательского отдела, ушел в отставку году в двухтысячном...

— В девяносто девятом. Вы его знали?

— Так точно. Встречались.

— И какое у вас о нем мнение?

— Человек он умный, хитрый... Мне тогда казался служакой до мозга костей и, безусловно, человеком преданным. Впрочем, люди меняются.

— Вот и расскажете мне, каков он сейчас. Насколько я понимаю, раз Зубцов начальником отдела в *ко-*

миссии служил, он к наивысшим тайнам страны был допущен? Например, о Посещении?

— Вероятно, был. Да что я говорю — наверняка был!

— То-то и оно. Не стал ли он свои знания нынче в личных целях использовать, а, полковник?

Петренко ничего не ответил, *куратор* выдержал паузу, а потом сказал:

— Вот об этом вы мне, Петренко, и доложите. Спешки особой, я думаю, нет. Но и не тяните. Надежно и безопасно внедрите к ним своего человека.

Они сделали круг по участку и снова вернулись к дому.

— Не смею вас дольше задерживать, — куратор протянул Петренко руку и поспешил внутрь особняка.

Полковник отправился к зданию, где сидела охрана госдачи. Сейчас его снова усадят в машину с мигалкой и отвезут, куда он скажет. Он решил вернуться в расположение *комиссии* и посмотреть имеющуюся во всех источниках информацию о Зубцове и древлянах. И подумать над тем, кого внедрять в секту. Впрочем, ответ на последний вопрос почему-то всплыл мгновенно и сам собой. И чем дольше полковник думал, тем очевиднее — делать так и никак иначе! — это решение становилось.

Несколько дней спустя.

Варя Кононова

Никто и никогда не дарил ей столько радости и счастья, как Данилов.

И ни с кем она не испытывала столько терзаний и проблем, как с ним.

Дело, разумеется, заключалось не в том, что она была (как многие российские женщины) в душе мазохисткой. Когда возлюбленный бьет ее, пьет, обижает,

изменяет — а она от этого только тащится и еще сильнее по отношению к нему растекается. Варя была душевно и физически абсолютно здорова (иначе бы ее просто не взяли служить в сверхсекретную *комиссию*). Да и Данилов несколько ее физически или морально не мучил, сознательно или даже нечаянно. Просто имелись между ними барьеры, которые мешали ей любить его навсегда, целиком, безоглядно. Начать с того, что она, встречаясь с Даниловым, самым прямым и непосредственным образом нарушала устав: все ж таки он являлся, ни больше ни меньше, *объектом*, который находился у *комиссии* в разработке. Пусть разработка и приостановлена. Пусть в данное время ничего предосудительного Алексей не совершает. Но, тем не менее, факт остается фактом: Данилов до сих пор числится в досье как один из потенциально угрожающих факторов. Если б любимый начальник, полковник Петренко, недавно ставший главой *комиссии*, узнал об их с Алешей связи, он бы по головке ее точно не погладил. До увольнения, наверно, дело бы не дошло — но выговор, а то и предупреждение о неполном служебном соответствии она бы точно схлопотала. И строгую указивку оставить Данилова в покое.

А оставлять их как не хотелось! Пусть даже противоречие меж любовью и долгом оставалось не главным и даже не самым высоким барьером меж Лешей и Варей. Чего стоило иное: его немислимые, нечеловеческие способности! Сначала-то, конечно, страшно приятно, когда вдруг он вырастает у твоей постели с порезанной, истекающей соком грушей: пожалуйста, угощайся, дорогая. И только потом понимаешь: где-то в глубине сознания (а может, даже подсознания) ты ведь хотела именно грушу! И он — похоже, еще раньше тебя самой! — это желание, таящееся у тебя внутри, сосканировал и бросился выполнять. Бр-р-р! Это ведь ужас, если подумать! Жить — да хотя бы просто находиться рядом! — с человеком, который всю тебя, до самого доньшка, насквозь видит! А если ты вдруг